

Софья ПИЛЯВСКАЯ:

Труд.-1998.-13 окт.-с.4

"СТАНИСЛАВСКИЙ СПРАШИВАЛ МЕНЯ, О ЧЕМ Я МЕЧТАЮ"

Народная артистка СССР Софья Пилавская — одна из старейших актрис МХАТа. Почти 70 лет играет она на сцене, столетний юбилей которой мы будем отмечать 27 октября. И кому, как не ей, любимице нескольких поколений зрителей, вспоминать о пройденном театром пути, а заодно — и о себе?

— Софья Станиславовна, юбилейная дата — это время подведения итогов. Для вас, я знаю, МХАТ — вся жизнь...

— 67 лет я верой и правдой служу одному театру, именно поэтому говорю о нем непросто. Мне кажется, что по справедливости (я повторяю мысль Олега Николаевича Ефремова) — это будет не просто столетие конкретного театра, а столетие пути, начатого великими художниками, решившими связать судьбу своего театра с судьбой России. Сейчас Олегу Николаевичу бесконечно трудно управлять коллективом — слишком мало преданных ему и делу людей. Он достаточно талантлив и умен, чтобы не обольщать себя мыслью, будто бы празднование 100-летия Художественного театра относится к нынешнему состоянию коллектива, переживающего, скажем мягко, сложную полосу своей жизни.

— Тем не менее что, по-вашему, можно назвать событием в сегодняшней жизни МХАТа имени Чехова?

— Конечно, это Борис Годунов в исполнении Олега Ефремова. Надо видеть, как пронзительно он играет роль, как уводит его от оперного стереотипа и возвращает к истинному Пушкину. Лично для меня настоящим событием в последние годы стали репетиции "Трех сестер". Работая над спектаклем два сезона, Олег Николаевич необыкновенно глубоко анализировал пьесу Чехова, рассказывая истории предыдущих постановок, в том числе о спектакле Владимира Ивановича Немировича-Данченко, который я хорошо помню. В молодости мне не довелось играть Чехова, но потом мне достались две чеховские роли: Марии Васильевны в "Дяде Ване" и Анфисы в "Трех сестрах". И я вполне счастлива.

— Софья Станиславовна, вам как старожилу этого театра что больше всего запомнилось в том далеком времени?

— Я обучалась в драматической группе при Оперной студии Константина Сергеевича Станиславского, и у меня была счастливая возможность сидеть на подоконнике в Леонтьевском переулке, в Онегинском зале, на его репетициях "Евгения Онегина", "Вертера"... Мои основными педагогами были Зинаида Сергеевна, се-

стра Константина Сергеевича, и его брат — Владимир Сергеевич. Дело в том, что в 1927 году меня не приняли в студию из-за сильного польского акцента. "Барышня, на русской сцене вам вряд ли доведется играть", — таков был общий приговор. Идеальный педагог князь Волконский дал мне замечательные упражнения и советовал упорно заниматься. Через год я вновь пришла на экзамены, и теперь никто не мог сказать, что я плохо говорю по-русски.

В театре я сразу попала в спектакль "Мертвые души" под руководством Константина Сергеевича, где, к моему величайшему счастью, познакомилась с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, инсценировавшим поэму Гоголя. Участвуя в сцене бала спектакля "Мертвые души", а немного спустя и в сцене ужина, я по заданию режиссера писала биографию своего персонажа: как попала в дом губернатора, есть ли дети, почему пришла без мужа, какие у меня отношения с хозяевами и так далее. Такое писали все участники спектакля. Именно поэтому народные сцены Художественного театра производили ошеломляющее впечатление. В них не было безликой массы, каждый персонаж представлял собой личность. В те времена коллектив Художественного театра был сплочен и напоминал единый крепкий кулак: "один за всех и все за одного". Ведь если труппа разобщена, то создать спектакль-ансамбль почти невозможно, каждый в этом случае "тянет одеяло на себя".

Большую роль мне дали только в 1932 году в пьесе Александра Островского "Воспитанница". Знаете, есть такой актерский закон — если не влюбишься в роль, ничего не получится. И этому закону я следовала всегда. Много играла в молодежных спектаклях: "Чудесный слав", "Наша молодость", "Квадратура круга"... Мое несчастье заключалось в том, что я никогда не любила играть всех этих советских девушек, непонятных и чуждых мне. Гораздо больше нравилось играть Настеньку в "На дне" или Ночь в "Синей птице".

— Софья Станиславовна, как молодые артисты чувствовали

Фото И.Александрова.

себя среди корифеев?

— В те времена в театре существовал такой порядок — ни о чем никого не проси: старики сами проверят — и позаботятся о тебе. Однажды после репетиции помощник режиссера прошептал мне: "Подойдите, пожалуйста, к Константину Сергеевичу". У меня сразу ноги стали ватными, а в голове мелькнула страшная мысль: "В чем-то провинилась".

Константин Сергеевич сидел за столом и предложил мне тоже присесть. "Ну, — начал он, — как вам живется в театре? О чем мечтаете? Какую роль хотели бы сыграть?" Представляете, он мне, девчонке, задает такие вопросы... У меня от страха еще больше голова пошла кругом, голос пропал. Сажу, молчу. Тогда он мне говорит: "Ну вот, наверное, в "Синей птице" хотели бы Фею сыграть или Свет?". И вдруг я сиплым голосом выдавила из себя: "Ночь..." Он так удивленно на меня посмотрел и ничего не ответил, а через две недели вызвали на репетицию "Синей птицы", и Леонид Миронович Леонидов, который курировал спектакль, вводил меня на роль Ночи. С самого начала он обругал меня, потому что я пыталась что-то вещать под Фаину Васильевну Шевченко. Вот сажу я с крыльями на троне и кричу незнамо что от страха... А Леонидов и говорит мне: "Вы знаете, что сейчас сыграли? Мармелад из моркови..." А потом после паузы добавил: "Не дрожите так, я вам добра желаю!" Через довольно короткое время я освоила роль и играла ее потом более 35 лет.

Счастьем для меня было играть с Борисом Добронравовым и Алексеем Грибовым, Борисом Ливановым, Николаем Хмелевым, Павлом Массальским... Не говоря, уж, конечно, о стариках первого поколения. Все они были людьми необыкновенно дисциплинированными и ответственными.

Беседу вела
Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.